
Нѣсколько словъ о городскомъ духовенствѣ.

Говорять, что покровительствовать и снисходить не только не всегда тяжело, но иногда будто бы даже и пріятно. И пожалуй: развѣ не пріятно взять какого-нибудь тихаго и смирнаго челоуѣчка подъ милостивую опеку и въ свободное отъ занятій—а, особенно, несложныхъ—время преподавать ему одинъ—другой благопопечительный совѣтъ? А потому у насъ очень любятъ совѣтовать и опекать. И опекуновъ у насъ безконечное множество; но немало и опекаемыхъ, и въ ряду

послѣднихъ чуть ли не первое мѣсто занимаетъ наше скромное сельское духовенство. Можно сказать, что это одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ объектовъ нашего опекунства: кто-то только не печется о нашемъ сельскомъ духовенствѣ, кто не даетъ ему совѣтовъ! Ему совѣтуютъ и благочинническіе совѣты, и благочинные, и консисторія, вообще начальство, и школа, и печать свѣтская, и печать духовная. Опека надъ сельскимъ духовенствомъ считается у насъ дѣломъ настолько естественнымъ и необходимымъ, что у насъ издавна уже существуютъ журналы со спеціальными названіями: „Руководство для сельскихъ пастырей“, „Сельскій священникъ“ и т. д., всѣ же вообще журналы и газеты почти всегда при подпискѣ дѣлаютъ духовенству нѣсколько процентовъ скидки.

Мы вовсе не противъ опеки. Мы готовы даже сказать, что она существенно необходима и притомъ каждому изъ насъ, особенно же тогда, когда она принимаетъ характеръ руководственныхъ указаній, чисто отеческихъ или братскихъ, искреннихъ, серьезныхъ и цѣлесообразныхъ. Да, — опека всѣмъ намъ нужна. И мы не понимаемъ только того, почему эта неисчислимая масса помощниковъ устремляется въ сторону сельскаго духовенства, въ то время какъ духовенству городскому предоставляется дѣйствовать за его совѣсть и страхъ? Тысячи указаній и справа и слѣва сыпятся на долю сельскаго духовенства, городское же духовенство стоитъ въ данномъ случаѣ совершенно изолированно. Что же это означаетъ? То ли, что городское духовенство такъ совершенно въ пастырскомъ отношеніи, что не нуждается ни въ какихъ совѣтахъ и руководствахъ, или же то, что это духовенство просто по какому-то недоразумѣнію у насъ забыто?

Позволимъ себѣ провести нѣкоторую параллель между религиозной жизнью города и такой же жизнью деревни. При этомъ — оговариваемся — мы будемъ судить о религиозной жизни по тѣмъ ея обнаруженіямъ, которыя принято считать

наиболѣе выразительными. И вотъ наши наблюденія въ этой области можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

1) Въ деревнѣ народъ переполняетъ храмы не только въ великіе дни Пасхи, Страстной недѣли, Рождества, Крещенія и под., но и во многіе другіе праздники, а также во всѣ дни воскресные, не исключая и лѣтнихъ дней „страдной“ рабочей поры. Въ городахъ же даже въ первый день Пасхи народъ не достаиваетъ до конца литургіи.

2) Присутствуя за богослуженіемъ, деревенскій людъ ведетъ себя вполне чинно и благоприлично. Въ деревенскихъ храмахъ ни въ какомъ случаѣ не допускаются ни разговоры, ни смѣхъ, ни шатанье изъ церкви на улицу и съ улицы опять въ церковь; богослуженія простаиваются здѣсь цѣликомъ отъ начала и до конца. Городской же людъ ведетъ себя въ церкви нисколько не лучше, чѣмъ въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, дѣлая здѣсь впечатлѣніями дня и рассказывая разные житейскія исторіи.

3) Въ канунъ праздниковъ деревня всегда стихаетъ, прекращая пѣсни, шутки и всякія увеселенія. Въ противномъ случаѣ священникъ немедленно обращается къ народу съ увѣщаніями, усовѣщиваніями, а иногда прещеніями. Городъ же, кажется, теряетъ самое представленіе о праздничномъ, особенно же воскресномъ, канунѣ, и въ ночь подъ праздникъ городское населеніе шумитъ, поетъ, танцуетъ, играетъ и пьетъ нисколько не меньше, чѣмъ въ другое время, а можетъ быть и больше того.

4) Деревня строго наблюдаетъ посты и всѣ церковныя установленія. И въ теченіе такихъ постовъ, какъ Великій или Рождественскій, въ деревнѣ даже за хорошія деньги трудно достать, напр., мяса. Въ городахъ же названные и другіе посты на мясной торговлѣ, а особенно на торговлѣ разныхъ колбасныхъ, сырныхъ и др. заведеній, почти не отражается. За что это говорить?

5) Деревня любитъ „божественное“ чтеніе, она заслу-

шивается пастырской проповѣдью и цѣлыми часами поеть на вѣбогослужебныхъ бесѣдахъ; городъ же зачитывается санинщиной, пинкертоновщиной и под., на религіозныхъ же чтеніяхъ присутствуетъ только единицами на тысячи населенія.

6) Деревня пьянствуетъ, безчинствуетъ, развратничаетъ, грабитъ и мошенничаетъ, но—во первыхъ—едва ли больше, чѣмъ городъ *), а во вторыхъ—и это главное—деревенскій развратъ преимущественнымъ образомъ идетъ изъ города, а именно отъ солдатъ, отъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, пришедшей изъ города прислуги и под. Почти все дурное, что есть въ теперешней деревнѣ, не деревенскаго происхожденія,

*) Вотъ какую характеристику нравственной жизни города даетъ такой тонкій наблюдатель—художникъ, какъ А. П. Чеховъ („Моя жизнь“): „Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго человѣка. Мой отецъ (архитекторъ) бралъ взятки и воображалъ, что это даютъ ему изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена воинскаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ и даже позволяла угощать себя и разъ въ церкви никакъ не могла подняться съ колѣнъ, такъ какъ была пьяна; во время набора брали и врачъ, а городской врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры; въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по третьему разряду; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали во слѣдъ: „благодарить надо!“ и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 коп. А тѣ, которые взятку не брали, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью суждений, играли много въ карты, много пили и—несомнѣнно—имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе. Въ пяти верстахъ отъ города строился вокзалъ. Говорили, что инженеры за то, чтобы дорога подходила къ самому городу, просили взятку въ 50 тысячъ, а городское управленіе соглашалось дать только 40... Въ лавкахъ намъ, рабочимъ, сбывали тухлое мясо, леглую муку и спитой чай; въ церкви насъ толкала полиція; въ больницахъ насъ обирали фельдшера и сидѣлки, и, если мы по бѣдности не давали имъ взятку, то насъ въ отместку кормили изъ грязной посуды; на почтѣ самый маленькій чиновникъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ нами, какъ съ животными, и кричать грубо и нагло: „Обожди! Куда лѣзешь?“ Но главное, что больше всего поражало меня, это совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа опредѣляется словами: „Бога забыли“. Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшіе намъ оліфу, и подрядчики, и ребята, и сами заказчики.—Осенью въ нашемъ клубѣ я кленвалъ обоими читальню и двѣ комнаты; мнѣ заплатили по семи копѣекъ за кусокъ, но приказали расписаться по двѣнадцати; когда я отказался исполнить это, то благообразный господинъ въ золотыхъ очкахъ, должно быть одинъ изъ старшинъ клуба, сказалъ мнѣ: „Если ты, мерзавецъ, будешь еще много разговаривать, то я тебѣ всю морду побую“.

Таковъ городъ. Чѣмъ же онъ лучше деревни?

это все наносное, пришлое, городское. И это, конечно, понятно. Общій укладъ деревни почти не измѣняется за цѣлыя столѣтія ея существованія. Единственно, что произвело болѣе или менѣе крупную перемѣну въ деревенской жизни, это отмѣна крѣпостного права. Теперь значительный же переломъ въ народной жизни можетъ быть созданъ подъ условіемъ перехода крестьянъ отъ общиннаго земельного хозяйства къ отрубному. Вообще же фізіономія нашей деревни не мѣняется. „Деревня—и есть деревня“. И эта малоподвижность условій деревенской жизни въ огромной мѣрѣ облегчаетъ способы пастырскаго воздѣйствія на деревенскій людъ. Какъ пастырствовали раньше, такъ же приходится пастырствовать и теперь. Другое дѣло городъ. Надъ нимъ, въ противоположность деревнѣ, почти непрерывно проносятся одно за другимъ различныя вѣянія—и религиозныя, и моральныя, и политическія, и общественныя, и литературныя. И каждое новое вѣяніе въ той или другой степени мѣняетъ фізіономію города, а это всякій разъ ставитъ новыя задачи для его духовныхъ руководителей, для городского духовенства, которое, слѣдовательно, въ отношеніи пастырства стоитъ въ болѣе затруднительномъ положеніи сравнительно съ духовенствомъ сельскимъ и потому больше, чѣмъ послѣднее, нуждается въ руководственныхъ указаніяхъ.

Итакъ, причина того, что у насъ молчатъ о нашемъ городскомъ духовенствѣ, заключается не въ томъ, что оно не нуждается въ упоминаніи о немъ, а—вѣрнѣе—въ томъ, что это духовенство просто по какому-то недоразумѣнію забыто. И если пока никто еще не догадывается издавать специальное „Руководство для *городскихъ* пастырей“—что было бы очень не лишне,—то пусть городское духовенство само опредѣлитъ свое трудное положеніе, осмыслитъ свои огромной важности задачи и постарается возможно цѣлесообразнѣе выполнить свое отвѣтственное назначеніе въ наше критическое время. Повторяемъ: городъ, а не деревня, является первоисточникомъ всѣхъ

современныхъ нестроений, и за невзгоды нашей родины городъ и городское духовенство отвѣчаютъ прежде всего. Пора поэтому городскимъ батюшкамъ перестать видѣть въ своемъ титулѣ „градскихъ“ право забывать о своей религіозно-просвѣтительной дѣятельности въ городѣ и въ то же время благопечительно учить младшихъ своихъ братьевъ дѣятельности въ деревнѣ. Всѣмъ же опекунамъ и радѣтелямъ нашего блага вполнѣ благовременно преимущественное свое вниманіе сосредоточить на духовенствѣ именно городскомъ, а не сельскомъ.

Н. К—въ.

